

Валентина КУЗНЕЦОВА
Ирина СОЛОВЬЕВА

«МЕТЕЛИЦА» У ПОЛЮСОВ ЗЕМЛИ

*История единственной в мире
научно-исследовательской команды лыжниц
Уникальный опыт российских женщин –
участниц арктических и антарктических
экспедиций*

Paulsen

Москва
2011

Вместо предисловия ЖАРКИЙ ЛЁД РОМАНТИКИ

Наступил момент, когда мы взираем на мир, лишенный тайн. Так уже в тридцатые годы прошлого века утверждал Стефан Цвейг. Не без доли огорчения он писал, что на картах и глобусах исчезли слова «Terra Incognita» и человек теперь слишком хорошо знает свою планету. Последней географической тайной, подводит черту писатель, долгое время оставались две точки, два конца оси, вокруг которой старушка Земля вращается тысячи и тысячи лет. Проникнуть туда было особенно трудно. Северный и Южный полюса прикрыты ледяными громадами. Вечной зимой, свирепыми морозами и ветрами защищает природа от посягательств людей земные полярные купола.

Вспомним, что только спустя почти целый век после открытия Антарктиды русской экспедицией Ф.Ф. Беллингаузена и М.П. Лазарева на кораблях «Восток» и «Мирный» (16 января 1820 года) норвежским и британским исследователям удалось достичь Южного полюса. В драматическом соревновании двух экспедиционных групп первыми к цели 16 декабря 1911 года пришли Руаль Амундсен с четырьмя своими соратниками, а месяцем позже иным маршрутом к той же точке вышла команда Роберта Скотта, трагически погибшая на обратном пути.

Вспомним, с каким трудом чуть раньше достигли Северного полюса американские экспедиции Фредерика Кука (1908 г.) и Роберта Пири (1909 г.). Их героические усилия были продолжены энтузиастами других приполярных стран, включая Россию. Но даже с учетом стремительно растущего научно-технического потенциала мирового сообщества освоение арктического пространства все последующее время шло с переменным успехом и отнюдь не столь быстро, как хотелось. Многолетняя эпопея советских дрейфующих станций «Северный полюс» (начиная с экспедиции Ивана Папанина в конце 1930-х годов) – наиболее характерна для иллюстрации тогдашних полярных исследований, позволивших составить достаточно полную картину рельефа дна, зональных течений и прочих гидрологических особенностей Северного Ледовитого океана. После Второй мировой войны многое изменилось с появлением принципиально иных технических средств. В 1962 году показательный поход на Северный полюс совершила советская атомная подлодка «Ленинский комсомол», а в августе 1977 года той же географической отметки впервые в истории мореплавания достиг отечественный атомный ледокол «Арктика».

Значило ли это, что прерогатива исследования арктических и антарктических районов отныне целиком принадлежит лишь могущественной технике? Вопрос не праздный, если здраво посмотреть на оснащение первых экспедиций, отправлявшихся на Северный и Южный полюса

каких-то сто лет назад, и на нынешние материально-технические возможности – средства передвижения, энергоносители, электронику, связь и т. п. Ответ на этот вопрос – что весьма важно – не столь очевиден. Как ни крути, жизнедеятельность в полярных условиях всё же по-прежнему в наибольшей степени зависит от человека, его духа, воли, тренированности, организованности. Достичь требуемых кондиций, воспитать в себе качества бойца, исследователя ледовых стихий можно лишь неустанно продолжая поиск скрытых ресурсов, совершенствуя и расширяя умение выживать в климатически опасных для любого организма полярных зонах.

Разговор о средствах передвижения опять же неразрывно связан с совершенствованием психофизических возможностей человека-исследователя. Нарты с собачьими упряжками или неприятельные лыжи, мускульная сила людей вкупе с их мастерством и выносливостью ходоков или безоговорочный крен в сторону техники? Нормальный ответ здесь ясен, как правило, даже дилетанту. Никакого противопоставления, сталкивания в крайности быть не может. Всё зависит от целей, задач, реальных условий поискового маршрута. Строя всё более мощные технические устройства, оснащая их сверхмощными источниками энергии, разумный человек ни на секунду не должен забывать о возможных катаклизмах и авариях – то есть тех случаях, когда машины бывают беспомощны, а то и просто разрушены, и когда неизбежно на первый план выходят именно человеческая способность противостоять стихии, умение выжить и победить, несмотря ни на что. И в такой ситуации, конечно, не будет забыто и столь древнее (родившееся еще до новой эры) средство передвижения, как лыжи – «две доски с палками». Несмотря на все современные достижения науки и техники, экстремальная романтика полярных походов – это сегодня романтика лыж, самого простого и доступного человеку способа передвижения по снегу.

Лыжи, которым отдает предпочтение «Метелица», главный герой этой книги, всегда помогали людям в познании неизвестного полярного мира. Норвежец Фритъоф Нансен – житель родины лыж Норвегии – первым в 1888 году пересек неизведанную тогда ледяную глыбу-остров Гренландию именно на обычных деревянных «скороходах». Его соотечественник Руал Амундсен использовал лыжи в экспедиции к Южному полюсу.

В пригороде Осло Холменколлене, в национальном лыжном музее хранятся уникальные экспонаты, по которым можно проследить полную эволюцию лыж. До 1930 года они оставались деревянными, как у Нансена, затем появились слоистые, за ними – фибровые с деревянной сердцевинкой и уже значительно позднее – ультрасовременные пластиковые. Теперешние технологии рассчитаны в основном на массовое производство, но не так уж и давно было время, когда лыжных дел мастера имели известность не меньшую, чем мастера скрипичные.

Эта попутная ода «рабочему инструменту» лыжников-исследователей вполне уместна. Она дает повод заранее сообщить, что лыжи девушек из «Метелицы» тоже удостоились чести стать музейным экспонатом – и в Холменколлене, и в аналогичном музее города Хельсинки. Принадлежавших мужчинам экспонатов в подобных хранилищах, конечно, намного больше, чем принадлежавших женщинам. Но тем приятнее сознавать россиянкам-лыжницам свое присутствие в столь редких и потому особо уважаемых экспозициях.

Мужская половина человечества постоянно делегирует на борьбу с суровой природой Заполярья своих самых отважных представителей. Им и в эпоху атомных ледоколов удается удивить мир все новыми достижениями и подвигами. Ярчайший факт – трансарктический переход по льду Северного Ледовитого океана через Северный полюс, который совершили англичанин Уолтер Херберт с тремя товарищами на собачьих упряжках. За 476 дней (стартовав

21 февраля 1968 года) путешественниками был пройден путь от мыса Барроу на Аляске до побережья Шпицбергена – и это одно из выдающихся достижений последних десятилетий. Была еще и Международная трансарктическая экспедиция 1989-90 гг., участником которой стал наш соотечественник Виктор Боярский. Были и многочисленные полярные экспедиции Матвея и Дмитрия Шпаро, Владимира Чукова.

Естественный акцент на заслугах «мужской половины человечества», надо полагать, понятен. Участие женщин в полярных программах, да ещё на лыжах, как бы априори исключалось, хотя такая ситуация заведомо устраивала далеко не всех. Альтернативные силы постепенно созревали. Однако реальной возможности противостоять сложившейся дискриминации у прекрасного пола долго не было. Энтузиазм женщин проявлялся в других экстремальных областях исследований (самолёты, стратостаты, космос), но оставался невостребованным в экспедиционной работе полярников. Недоставало инициативы, организованности, смелости, нужен был какой-нибудь неординарный импульс, чтобы заставить поверить в женский полярный ресурс.

Сегодня, когда позади уже сорокапятилетие «Метелицы», чётко и с полным правом сознаешь: таким решающим импульсом к преодолению неверия в духовные и физические силы «слабого пола» стали первые сверхдальние лыжные пробеги пока еще мало кому известной женской команды из Москвы, по времени совпавшие с периодом подготовки и проведения трансарктической экспедиции через Северный полюс англичан во главе с У. Хербертом. Ведь именно тогда «Метелица», постепенно оформившаяся как самостоятельная научно-спортивная команда, поставила и затем озвучила свою главную стратегическую цель – дойти на лыжах до Южного полюса.

И дальше была уже и романтика дальних дорог, была мечта и желание проложить лыжню на полюсах, завидная энергия и организаторские способности лидера «Метелицы» Валентины Кузнецовой.

Именно эта столь невероятная цель – покорение Южного полюса – явилась стимулирующим импульсом, который помог создать коллектив и добиться таких результатов. Достигнув желанной цели, команда россиянок превратилась в известный всему миру спортивно-экспедиционный клуб, на счету которого множество серьезных маршрутов в северном и южном полушариях Земли. Все участницы «Метелицы» – члены Полярной секции Русского географического общества, и этот факт, как и появление в 1996 году российских женщин на Южном полюсе дает основание с удовлетворением оглянуться назад и без всякого пафоса или пристрастия оценить сделанное командой.

Ю. Заречкин

Москва. 1968 г. Поклонная гора. Старт лыжного пробега Москва–Смоленск. В. Кузнецова с дочкой Иршикой. Слева: мама Валентины, справа тренер Ю. Левушкин

Глава первая ПЕРВЫЕ СВЕРХДАЛЬНИЕ ЛЫЖНЫЕ ПЕРЕХОДЫ

Путь к полярным широтам начинался для будущей «Метелицы» в 1966 году. Тогда мужская команда лыжников Московского высшего технического училища им. Н.Э.Баумана совершила впечатляющий пробег Москва – Ленинград протяженностью 725 км за шесть с половиной суток. Это было здорово. Каждый день позади у них оставалось более чем по 110 км пути!

Подруги-лыжницы, обмениваясь между собой информацией об этом пробеге, невольно задумывались о возможности повторить достижения бауманцев. Заманчивая идея привлекала, но мало кто решался произнести её вслух. Ведь хватало и сомнений, причём самых разных. Одно дело – спортивный опыт, индивидуальное мастерство. И совсем иное – командный дух, психологическая совместимость, коллективная скорость на сверхдальней дистанции.

Из дневниковых записей капитана первого пробега Валентины Кузнецовой:

«Достижения лыжников Бауманки не давали покоя... Поехала советоваться со своим первым тренером В.И.Рогозиной, поговорила с директором лыжной базы «Крылья Советов» В.В.Кравченко. Та и другая горячо поддержали идею женского маршрута Москва – Ленинград и выразили готовность помогать, причем и во время самого пробега. Решили, что нужно прежде всего скомплектовать надежный состав команды, согласовать всю программу подготовки с районным спорткомитетом. Там наши предложения одобрили. В такой ситуации многие сомнения у будущих членов коллектива вскоре были сняты, и с составом быстро определились, как и со сроками старта. Выбрали декабрь, последний месяц года. Бауманцы начинали свою операцию в его начале, мы – в конце.

Но для пробега требовался предварительный сбор на снегу. И желательно пораньше. Вся летняя подготовка не даст результата, если до выхода на маршрут не пройдем на лыжах примерно под тысячу километров. Позвонила на Урал В.М.Илейко – генеральному директору радиозавода, бывшему спортсмену-лыжнику. Не отказал. Мир не без добрых людей: помог достать места на Миасской турбазе. Мы оказались там вместе с лыжниками ЦС «Динамо» и «Труда». Их тренеры не очень верили нашему успеху, хотя и отнеслись с явным интересом к столь смелым планам.

Сборы провели успешно. Мы упорно двигались к намеченному. Вдруг кто-то даёт в московской газете «Спортивная неделя» нелепую заметку под заголовком «Вызов брошен». В ней говорилось, что столичные лыжницы бросают вызов рекорду мужчин и хотят пройти 725 км за 9 суток, на три дня превысив давнее достижение. И при этом называется список предполагаемых «героинь». Нелепость была уже в том, что ребята из Бауманки и без того обновили старый рекорд, а женщины вообще таким маршрутом никогда не ходили. Кому нужны ложные сенсации?

Трудно было готовить пробег до появления заметки, почти невозможно стало – после. Чуть ли не весь лыжный мир обрушился на нас, каких-то непонятных самозванок. Даже районные власти, которые раньше команду поддерживали, заволновались: «Пробег надо отменить, где гарантии, что рекорд будет?» Пришлось снова и снова разъяснять, убеждать, что дело не в рекордах. Оставалось договориться об отпусках по месту работы, но и здесь не все оказалось гладко. Некоторые руководители сопротивлялись: или лыжи, или производство! Общими усилиями, в конце концов, мы справились с проблемой внеплановых каникул. Теперь можно было, свалив с плеч повседневный груз, брать на себя груз другой – ответственности и тяжёлой работы.

Район помог со спортивной экипировкой, лыжами, мазями. Нам выделили для сопровождения автобус. Тогда же познакомились с Л.Н. Марковым, главным врачом Московского физкультурного диспансера, который прикомандировал к лыжникам пожилого доктора («дедушку», как мы его называли между собой). Он, кстати, с удовольствием согласился «прокатиться» до Ленинграда и обратно. Ему нелегко было заранее представить, с чем придется столкнуться в пути его подопечным. Зато реалистами выступали некоторые наши близкие. До самого старта они роптали: «Смотрите, не сойти бы вам с дистанции после первых же двухсот километров!».

... Стартовать должны были в 10 часов утра 22 декабря. И вдруг накануне у Валюши Курепкиной загорелся дом. Тушила вся наша команда. Помочь толком, увы, не смогли, как и приехавшие пожарные. Все сгорело дотла. Но какая сила духа обнаружилась у девушки: несмотря на домашнюю трагедию, она все-таки приехала на место старта! Лыжи и спортивная форма находились на базе, и важнее всего на свете для неё было не подвести команду, не допустить, чтобы отменили пробег. Мы еще не представляли, что будет впереди, однако и этот факт, и остальные перипетии со сборами заставили нас так поволноваться, столько пережить, будто дистанция в 725 км уже позади и лимит на испытания исчерпан».

В дальнейшем жизнь команды, если забегать вперед, не раз подтвердила, что чуть ли не 99% сопутствующей любой экспедиции работы уходит на всякого рода оформления и допуски, организацию, подготовку команды и маршрута, на снятие или предотвращение всех рисков, непредвиденных осложнений, учёт и прогноз субъективных факторов. Словом, вне всякой нормальной логики, но именно со стартом для участника экспедиции начинается достойная его целей жизнь: более спокойная, хотя одновременно и более тяжёлая (физически тяжёлая, но не морально).

Шли в Ленинград, теперь-то что скрывать, на пределе возможностей. В среднем делая по 95–98 км ежедневно. Некоторые участницы потом рассказывали, что имея обувь 37–38 размера, в Ленинграде им впору было заказывать на распухшие ноги 42-й размер..

Стартовали из Москвы при температуре минус 27 градусов, через пару дней она упала до 34 градусов. Хорошенькое начало! Правда, потом потеплело. Каждодневно уходили в путь в 6 утра, останавливались на ночной отдых в 10–11 вечера. Причём бежали без подготовленной лыжни, на обычных деревянных лыжах.

В первый день прошли 90 километров. Когда врач осмотрел нас в Клину, то даже слегка оторопел («вздрогнул») и тут же предложил прекратить пробег: почти у всех мозоли, опухли руки и ноги. Лишь Альбина Лунёва обошлась без всяких осложнений. Молодец!

На следующий день мы финишировали в Калинин, хотя завершающие этап тридцать километров шли, словно в тумане. У нас была цель, и мы отступать не могли. Решили идти до конца. Нас сильно подбодрила природа Валдая. Подъемы, спуски – красота, пришедшая из русских сказок. По дороге восхищались: «Смотрите, чудо какое!..» Мы посвятили свой пробег

25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, и шли как бы «отвоевывая» землю шаг за шагом.

Мы побеждали, самих себя и обстоятельства побеждали, чувствуя в «тылу» заботу Веры Ивановны Рагозиной и Веры Васильевны Кравченко – наших тренеров и добрых советчиц, которые готовы были ради нас не спать днями и ночами, обеспечивая дорожный быт команды. В один из дней рядом с ними в автобусе появились спортивный журналист Анатолий Коршунов и фотокорреспондент Василий Истомин из «Спортивной жизни России». Они увидели, как мы идём, и решили облегчить нам существование, стали готовить отменные борщи и каши, придумывать всякие замысловатые для дорожных условий меню. Да и само присутствие этих людей сделало атмосферу теплее. Доктор и водитель машины тоже по-своему старались нам помочь. Казалось, даже автобусный мотор отдавал на общую пользу копившееся в нём во время движения тепло. Сменная одежда, белье лыжниц сушились на его горячих боках. Это был незабываемый, очень сплочённый коллектив. Все работали на победу.

Финишировали в Парке Победы Московского района Ленинграда. Вся команда, в полном сборе, не считая капитана – **Татьяна Корнеева, Валентина Курепкина, Эмма Лебедева, Альбина Лунёва, Анна Юрьева**. Кажется, отдали лыжне последние силы. Было такое впечатление, что окажись впереди ещё каких-нибудь 5 км – не дошли бы. Выложились до конца. Но естественные усталость и женские эмоции – наши внутренние проблемы.

Если же говорить серьёзно, конечная цель была достигнута командой за 7,5 суток. Результаты женского пробега оказались вполне сопоставимы с мужским ориентиром-образцом, о чем и писала пресса того времени, в частности, журнал «Спортивная жизнь России». Там между строк промелькнула мысль (как потом стало ясно, знаменательная), что достигнутый спортсменками успех было бы не по-хозяйски оставлять без продолжения.

И продолжение последовало. Причем достаточно быстро. Новоиспеченным энтузиасткам сверхдальней лыжни, снискавшим первые и заслуженные лавры на этом пути, вскоре те же бауманцы опять дали повод задуматься. На сей раз это был гораздо более серьезный повод, во многом определивший северный, полярный профиль будущих женских экстремальных экспедиций.

Впрочем, кроме внешних причин, были еще и внутренние. После Ленинграда в какой-то момент вдруг стало грустно: «Неужели все кончилось? Неужели больше никогда не будет дальней лыжни, снегов, метелей и радости достигнутого успеха?» Решили: они будут, обязательно будут! С метелями мы теперь на «ты». Значит, кто – мы? «Метелица!» Так пришло название команды, а с ним появилось и всё остальное.

Можно сказать, что морально «Метелица» была уже готова к новым походам, когда в газетах появилась информация о планах бауманцев. На этот раз их инициатива выходила за границы собственной страны. Они взялись повторить маршрут отважной четверки лыжников (Д. Васильев, А. Немухин, В. Савин, Б. Дементьев), которые в 1927 году, стартовав в Москве, через 29 ходовых дней финишировали в столице Норвегии, преодолев в общей сложности расстояние в 2150 км.

Идея повторить поход своих предшественников, насколько нам известно, принадлежала капитану пробега Москва – Ленинград А. Белоухову. О нём надо сказать отдельно, и вы поймёте, почему. Выпускник МВТУ, кандидат технических наук, дважды чемпион СССР по альпинизму, прекрасный лыжник – этот многогранный человек в самый разгар подготовки к скандинавскому походу во время тренировки на лыжероллерах попал на Куркинском шоссе под колёса самосвала. Четыре травмы, несовместимые с жизнью, три серьезнейшие

операции на позвоночнике. Паралич. Диагноз врачей: шансов на жизнь нет. Но не тут-то было! У него была такая жажда жизни, столько мужества и воли, что медикам оставалось только удивляться. Девушки «Метелицы» всегда равнялись на него, и позднее несколько лет шефствовали над попавшим в беду, помогли ему получить машину с ручным управлением. На ней он самостоятельно пересёк пустыню и добрался до Таджикистана, чтобы руководить там альпинистами при монтаже Нурекской ГЭС. Наш единомышленник и настоящий боец надолго продлил себе жизнь своей стойкостью и бодрым духом вопреки врачебным прогнозам. Однако задуманный Белопуховым ремейковый маршрут его товарищи прошли без своего лидера.

Итак, в 1968 году, фактически спустя сорок лет после первопроходцев, лыжный путь из Москвы в Осло заново проложили энтузиасты из Бауманского института. По сути он в три раза превышал по длительности предыдущий ленинградский вариант. Это был экстремарафон. Дорога до норвежской столицы составила 2200 км... Женщины пошли другим путем: 19 января 1969 года команда «Метелица» стартовала по маршруту Москва – Ленинград – Хельсинки – Турку – Тампере – Торнио. Сверхдальний пробег в Скандинавию (2600 км) занял 33 ходовых дня – в среднем на каждый из них пришлось по 80 км. Столь необычный марафон с участием женщин вызвал немалый резонанс. В этом пробеге «Метелица» достигла рубежа критических физических нагрузок в лыжном спорте. Специалисты стали радикально пересматривать методику тренировок сильнейших лыжников. Но парадокс заключался в том, что дух нашей женской команды формировала прежде всего сама атмосфера внутри коллектива. А как воспроизвести ее массово, перенести на обычный методический язык, повсеместно включить в алгоритм тренировочного процесса?

Характерно, что сверхмарафону в Финляндию предшествовала лишь единственная относительно приближенная по масштабу предстоявших нагрузок репетиция, остальная подготовка ограничивалась ближним Подмосковьем. В феврале 1968 года под патронажем столичного спорткомитета горкома комсомола и при содействии Московского военного округа был проведен лыжный переход по местам боевой славы (400-километровый маршрут Москва – Смоленск), в котором «Метелица» без какой-либо специальной тренировки сумела показать свои реальные физические и психологические возможности.

Из дневниковых записей капитана команды Валентины Кузнецовой:

«В состав команды были включены в основном студентки. Помимо меня и **Антонины Егоровой** на маршрут вышли **Светлана Александрова, Татьяна Давыдова, Альбина Лунёва, Галина Попова, Ольга Тарасова**. Мне хотелось иметь рядом с собой девчат помоложе, чтобы из них отобрать кандидатов на пробег в Финляндию. Было очень сложно всё организовать, и большую роль сыграл на этот раз спорткомитет Ленинградского района г. Москвы. Через горком комсомола нам прикомандировали старенький автобус – наверное, 1930-х годов, такая каракатица с трубой. Договорились, благо тема маршрута это предполагала, пригласить с собой десять лучших лыжников Таманской гвардейской танковой дивизии. Рассчитывали с помощью военных ещё и подкрепить продовольственную базу команды. Да не тут-то было. На ребят-лыжников, как быстро выяснилось, богатенькие армейские интенданты выдали только несколько буханок не самого свежего хлеба и девять консервных банок паштета из рябчика. Пришлось и их питание брать на себя. Очень помогли запасы солений и варенья, которые девочки позаимствовали из собственных домашних шкафов и подвалов. Пригодились и подарки друзей.

В. Кузнецова. 1967 г.

Когда двинулись по трассе, довольно скоро обнаружилось, что молодым ребятам-таманцам не хватает сил. Девять из десяти не могли поддерживать взятый нами темп. Их пришлось элементарно откармливать и посадить в тот самый автобус-ветеран, благо ему-то бензина хватало.

С нами находился врач Виктор Аниканов, который поначалу был очень недоволен тем, что он, мастер спорта по конькам, вынужден обслуживать каких-то там третьеразрядных лыжниц. Но когда этот мастер увидел нас в работе, а таманцев в лазарете, то без промедления (молодец!) самокритично сказал: если бы все конькобежцы тренировались так же, все медали на чемпионатах мира были бы наши. Он оказался просто потрясен тем, как мы идем.

А шли мы, между прочим, совсем без лыжни, вдоль дороги, каждая из шестерых девушек периодически сменяла другую в качестве лидера. И так все пять суток, деля по 80 км ежедневно. Программу свою выполнили полностью. Я была довольна еще и тем, что еще раз вернулась к собранному ранее материалу о лыжнице-разведчице Любе Кулаковой, погибшей во время Отечественной войны как раз в тех местах Смоленской области, которые мы проходили.

Момент очень даже неординарный. Во-первых, тренером у Любы Кулаковой была подруга моего лыжного наставника Веры Ивановны Рогозиной, у которой я долго тренировалась и от которой много услышала о судьбе героической спортсменки. Во-вторых, будучи в районе тех давних боев, я узнала интересные детали, сразу же вызвавшие у меня в голове неожиданные ассоциации, связанные с мистическим совпадением фамилий и дат. Женщина из близлежащей деревни, свидетель гибели Любы Кулаковой, видела и помнила, как все тогда происходило.

Девушка и её товарищи пали в неравном сражении 2 апреля 1942 года. А ровно через неделю, 9 апреля того же года, как известно из биографических справочников, родилась другая Кулакова, Галина, прославившаяся позже, в 1960-е годы, на лыжных трассах мира. Первая из однофамилиц была до войны чемпионкой по равнинным и горным лыжам (такое необычное, очень редкое сочетание), вторая – многократной чемпионкой мира и Олимпийских игр на классических дистанциях по бегу и в командной эстафете. И у меня возникло ощущение, что та, военных лет, апрельская неделя каким-то необыкновенным образом олицетворяет в судьбе спортсменов символическую эстафету поколений. Если не сказать больше: ведь едва ли не впору думать о своего рода реинкарнации, продолжении духовных субстанций одного человека в другом.

Словом, захотелось поверить, что жизнь Гали может быть продолжением жизни Любы, уже не мистически, а именно символически. И я поехала на спартакиаду в Челябинск, чтобы там встретиться с олимпийской чемпионкой и написать о ней тоже...»

Разумеется, в нынешнем контексте нет смысла подробно рассказывать о том, какие впечатления оставила та встреча с Галиной Кулаковой и её подругами по женской сборной СССР. Важно подчеркнуть иное: уже тогда, на этапе становления «Метелицы», любая из нас задумывалась не только о смысле жизни и высоких идеях, но прежде всего – о нравственных началах в отношениях, сущностной стороне повседневного труда, исследовательского риска, без которых в арктических и антарктических широтах делать было бы нечего. Исходя из этого, в традиции команды сразу же закладывались особые требования к характеру и надежности ее участниц, формировались принципы дружбы и взаимопомощи, сродни мушкетерскому «один из всех и все за одного». Для понимания базовых ценностей важны были и военно-исторические параллели, и папанинские или челюскинские подвиги, и примеры спортивных достижений. При всей своей неравнозначности они остаются тем проверочным камертоном, который помогает определить душевную готовность быть вместе в трудную минуту. Чувствуешь свою сопричастность к чужому подвигу, находишь свой интерес в судьбе таких людей, как Люба или Галя Кулаковы, – значит, и доверие к тебе у твоих соратниц будет заведомо большее.

Время первых сверхдальних походов «Метелицы» воспитывало ее участниц по критериям жестким, послевоенным, когда это касалось дисциплины, условий спортивного быта, материальных ограничений. Но то же время, как ни удивительно, дарило и доброе, доверительное человеческое общение. Преобладало желание сохранить атмосферу общей радости, взаимопомощи, помешать разобщенности и равнодушию. Если в коллективе такой психологический климат, любые задачи ему будут по плечу.

Характер команды тех лет и последующего времени – это, конечно, сумма характеров каждой из «метелиц». Тем не менее основу коллективной психологии и человеческих отношений определяли в первую очередь качества самых опытных и умелых членов команды, давно осознавших ответственность за судьбу общего дела. Хотя ни одна из нас поначалу не задумывалась, откуда они родились – эта не женская сила, это роднившее всех настойчивое стремление к преодолению новых и новых рубежей.

С самых первых марафонских походов журналисты неизменно задавали вопросы: зачем вам, женщинам, это надо, что толкает вас к экстремальным нагрузкам – некая корыстная мечта? Какие-то события, мотивы личной жизни? Или, может, беспокойный характер? Однозначности в ответах не было и нет. Тут всегда свои варианты.

Из газетных интервью капитана «Метелицы»:

– Я все больше убеждаюсь, что мой путь к «Метелице» начался еще в детстве. Получилось так, что уже в раннем возрасте мне пришлось выработать характер. Беда заставила это сделать. А точнее, война. Она застала нас с мамой в Курской области, куда мы приехали погостить к бабушке и дедушке.

Когда в село пришли немцы, мне многого пришлось насмотреться. До конца своих дней не забуду, как они свалили в начале зимы всех раненых из госпиталя (их не успели вовремя эвакуировать) в большую общую кучу на улице у церкви – и эти раненые без помощи и от холода всю ночь умирали. А немцы стояли рядом и тех, кто пытался погибающим помочь, – расстреливали.

Мама взялась помогать партизанам. Об этом стало известно фашистам. И в один страшный день маму, сестренку и меня (а мне тогда как раз исполнилось пять лет) вывели на расстрел. Нас спасло чудо. Но с того дня я перестала разговаривать. Два года ни единого слова не могла выговорить. Изо всех сил напрягалась, чтобы выдать хоть какой-нибудь звук – безуспешно. Моих сверстников это очень смешило, они без конца заставляли меня что-нибудь произнести. Особенно им почему-то полюбили слово «петушок», и я до изнеможения пыталась выговорить его... Чтобы избавиться от своих мучителей, я решила во что бы то ни стало научиться говорить это слово. Так, благодаря детской жестокости, вернула себе речь. Но заикалась еще до 16 лет. Тем не менее впервые в своей жизни я сделала невозможное.

– После войны отец привез меня в Москву, где пришлось жить в мужском общежитии (мама в силу обстоятельств осталась в Курской области). В комнате для нас был отгорожен угол, а рядом жили еще пятнадцать мужчин. Все они относились ко мне очень хорошо. Именно они, эти уставшие от войны и тяжелой работы мужчины, а главное – мой отец Михаил Яковлевич Токарев, научили меня любить людей, видеть в них прежде всего хорошее, идти к ним всегда с открытым сердцем. Они и еще школьные учителя, уделявшие много внимания девочке, жившей без матери. Классный руководитель, учительница русского языка Дина Григорьевна Селиванова стала для меня на всю жизнь символом доброты, любви и самопожертвования. Особую роль сыграла учительница физкультуры Нина Львовна. Именно она впервые поставила меня на лыжи. Вопреки запретам врачей. Те нашли, что у меня слабое сердце, и освободили от занятий физкультурой. Мне же эти уроки очень нравились, и я всегда приходила посмотреть, как занимаются другие. И вот однажды не выдержала и попросила разрешения участвовать в классных соревнованиях по бегу. Это и был первый шаг к будущим полярным походам.

То есть, конечно, один из вариантов ответа на вопрос, для чего нужны сверхдальние лыжные переходы, да еще для женщин, – это возможность проявить себя как личность, проявить сформированный в трудностях и закаленный бойцовский характер. Но можно ли ограничиться простым встречным вопросом, который совсем необязателен для ответа: «А зачем люди идут в горы, штурмуют заоблачные вершины, переплывают на лодках океаны, летят в неизведанный космос?»

Стремление к познанию и великая миссия – быть Человеком – вели и ведут людей в неизведанное, сочетаясь с высокой романтикой. «Хотел бы я знать, зачем звезды светятся. Наверное, затем, чтобы рано или поздно каждый мог отыскать свою». Так считал Антуан де Сент-Экзюпери. И можно ли ответить точнее?